

УЛОЖЕНИЕ О КОРМЛЕНИЯХ И СЛУЖБЕ 1555—1556 гг.

«Царский приговор о кормлениях и службе 7064 г.» — так поименовано в летописи знаменитое уложение 1555—1556 гг. о введении в России земского самоуправления — принадлежит к важнейшим законодательным актам XVI в., связанным с реорганизацией местного управления Русского государства на сословно-представительных началах и с введением новой системы материального обеспечения (денежного и земельного) служилых людей — вотчинников и помещиков.

Значение реформы было настолько велико, что она всегда привлекала особое внимание почти всех крупнейших исследователей истории Московской Руси. О земской реформе писали в XIX—начале XX в. Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин, А. Д. Градовский, В. О. Ключевский, В. П. Сергеевич, М. В. Владимирский-Буданов, М. А. Дьяконов, С. Ф. Платонов, М. М. Богословский, М. Н. Покровский; в советский период — С. Б. Веселовский, П. А. Садилов, И. И. Смирнов, Л. В. Черепниц, А. А. Зимин, С. О. Шмидт. Но только в новейшей советской историографии предпринимаются попытки дать источниковедческий анализ всей совокупности дошедших до нас источников о земской реформе. Подобная источниковедческая работа, правда, применительно только к земским уставным грамотам XVI в., была проделана ранее лишь С. А. Шумаковым, составившим и опубликовавшим в 1895 г. сводный текст земских и губных грамот.¹ В наше время появились статьи А. А. Зимина «„Приговор“ 1555—1556 гг. и ликвидация системы кормлений в Русском государстве» (1958 г.) и С. О. Шмидта «К истории земской реформы: (Собор 1555/56 г.)» (1966 г.), в которых оба автора поставили вопрос о необходимости пересмотра традиционного представления о законодательных актах, легших в основу практической реализации земской реформы, причем каждый из них предложил свое решение.² Включились в указанную дискус-

¹ Шумаков С. А. 1) Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895; 2) Новые губные и земские грамоты. — ЖМНП. 1909, № 10, с. 329—416.

² Названные статьи вошли в дальнейшем в состав монографических исследований этих авторов. См.: Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, с. 397—400, 422—437; Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. М., 1973, с. 197—208. — С развернутыми возражениями С. О. Шмидту по вопросу о предполагаемом им земском соборе 1555/56 г., на котором было принято решение об окончательной отмене системы кормлений и введении земского самоуправления, выступил Н. И. Павленко в своей статье «К истории земских соборов XVI в.» (История СССР, 1968, № 5, с. 90—92). Большое значение для изучения земской реформы имела и известная публикация А. И. Копанева «Уставная земская грамота крестьянам трех волостей Двинского уезда 25 февраля 1552 г.» (Исторический архив. М., 1952, кн. VIII, с. 11—20).

ство и мы, посвятив ей ряд страниц нашего исследования «Ста-
новление сословно-представительных учреждений в России»
(1969 г.). Но даже после названных работ источниковедческая
апробация источников о земской реформе остается во многом
спорной, а главное само уложение о кормлениях нуждается
в более развернутой интерпретации. Цель настоящей статьи —
продолжить указанные источниковедческие изыскания, обратив
основное внимание на текстологический анализ и датировку до-
шедших до нас летописных и актовых источников (уставных
грамот) о земской реформе.

Напомним, что изучение «царского приговора о кормлениях
и службе» 1555—1556 гг. крайне затруднено в силу того, что
подлинный его текст не сохранился (пока он не обнаружен),
и в распоряжении исследователей имеется лишь его летописная
копия. Она носит характер вставки, включенной вместе с при-
говором о местничестве 1549/50 г. (7058 г.) в Никоновскую
(в список Оболенского) и Львовскую летописи, помечена лето-
писцем 1555/56 г. (7064 г.), без обозначения месяца и даты при-
нятия, и помещена сразу же за текстом, описывающим события
конца марта 1556 г., которым оканчивается Патриарший список
Никоновской летописи (в списке оба приговора отсутствуют).
Именно с этих вставок-приговоров о местничестве 1549/50 г. и
о кормлениях и службе 1555/56 г. начинается «Летописец но-
вых лет».³

Тоже из летописи, как можно полагать, взял и В. Н. Тати-
щев сообщения об обоих приговорах (о местничестве и о корм-
лениях и службе) и включил их в число дополнительных статей
к Судебнику 1550 г., правда, сократив и несколько модернизи-
ровав в языковом отношении летописный текст. Татищев, как
известно, работая над своей «Историей Российской», специально
собирал памятники древнерусского права. Именно Татищев об-
наружил, в частности, уникальнейший список Судебника Ивана
Грозного в роскошном переплете, написанный «с прописью зо-
лотом», который он в 1734 г. поднес императрице Анне Иоан-
новне, а «собственноручную» копию с него передал на хранение
в Академию наук. С этой копии (до сего времени, как и сама
«позолоченная» рукопись, не обнаруженной) Судебник 1550 г.
был издан в 1768 г. Г. Ф. Миллером вместе с дополнительными
статьями к нему за 1550—1607 гг. и примечаниями Татищева
точно в том виде, в каком Татищев подготовил их к опублико-
ванию.⁴ Приговор о кормлениях и службе 7064 г. фигурирует

³ Никоновская летопись по списку Оболенского (сп. XVII в.). — ГПБ, Р. IV, 237, л. 1186 об.—1187. — Издана: ПСРЛ. М., 1965, т. XIII, с. 267—269; ср.: там же, т. XX (Львовская летопись), с. 569—571.

⁴ Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его приемщиков указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником Василием Никитичем Татищевым. М., 1768. — Далее — Татищев. Судебник. Второе издание, воспроизводившее первое без изменений, вышло в Москве в 1786 г.

в издании под видом ст. 103 и 104 и имеет точную дату — 20 сентября 1555 г., проставленную самим Татищевым (в летописи, как мы уже отмечали, приговор помечен просто 7064 г.). Эта же дата — 20 сентября 1555 г. — проставлена на приговоре и в другом рукописном сборнике древнерусских законодательных актов, тоже подготовленном Татищевым к печати еще в 1738 г., но так и не увидевшем свет. Рукопись сохранилась среди Собрания рукописных книг Архива Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (ранее хранилась среди рукописных книг имп. Археографической комиссии) и представляет собой рукописный сборник XVIII в. под заглавием: «Собрание законов древних русских для пользы всех любомудрых собранные и неколико истолкованные тайным советником Василием Татищевым. 1738 года». В сборник включены: 1) Предъизвещение Татищева; 2) Правда Русская; 3) Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича; 4) «Указы Судебнику в дополненье». Среди последних на л. 70 об.—74 в виде ст. 103 и 104 — «царский приговор о кормлениях и службе», помеченный 20 сентября 1555 г. Мы подчеркиваем эту дату, так как в других рукописных сборниках законодательных актов, принадлежащих Татищеву и включающих Судебник 1550 г. с дополнительными царскими указами (см. с. 58, примеч. 1), приговор о кормлениях и службе обозначен, как и в Никоновской и Львовской летописях, просто 7064 г. Это говорит о том, что дата 20 сентября 1555 г. проставлена Татищевым лишь на последней стадии подготовки текста Судебника к печати и, по всей видимости, взята из какого-то источника, которым он ранее не располагал.

Более сомнительно отнесение в самом русском законодательстве XVI—XVII вв. приговора о кормлениях и службе 1555—1556 гг. к числу дополнительных статей к Судебнику 1550 г., как, кстати, и приговора о местничестве 1549/50 г. Здесь явная инициатива самого В. Н. Татищева, поскольку в таком качестве оба эти важнейших царских постановления фигурируют лишь в законодательных сборниках XVIII в., принадлежавших самому первому российскому историографу и составленных по его заказу.⁵ Во всех других дошедших до нас юридических сборниках

(270 с.); *Татищев В. Н.* История Российская. Л., 1968, т. VII, с. 278. — В указном издании дается С. Н. Валком и характеристика работы В. Н. Татищева над текстом законов.

⁵ Таких древнерусских законодательных сборников, составленных В. Н. Татищевым, помимо указанного выше сборника ЛОИИ четыре: I. БАН, № 16.14.9. — Рукописный сборник XVIII в. на 89 листах, содержащий: 1) Русскую Правду с примечаниями Татищева и правкой, внесенной в текст его рукой (л. 1—10); 2) Судебник 1550 г. (л. 11—61 об.); 3) дополнительные указы (л. 62—89 об.). II. ГИБ, № Ф.И.91. — Рукописный сборник XVIII в. на 62 листах, содержащий: 1) обращение В. Н. Татищева как составителя сборника к читателям (л. 2—7); 2) Русскую Правду с примечаниями Татищева (л. 7 об.—12); 3) Судебник 1550 г. (л. 12—44 об.); 4) дополнительные указы (л. 45—62). III. Архив ЛОИИ СССР, ф. 36, собр.

(судебниках) XVI—XVII вв., находившихся в практическом применении у московских приказных и земских судей того времени, по крайней мере до Уложения 1649 г., а их известно более 30 (в том числе 8 сборников второй половины XVI в.),⁶ приговора о кормлениях и службе 1555—1556 гг. нет.⁷ Это и естественно, поскольку приговор представлял собой не закон (судебный устав, кодекс), которым должны руководствоваться судебные органы и который, согласно ст. 98 Судебника, следует к нему «приписать» «с государева доклада и всех бояр приговору», чтобы «вершить» (судить) по нему «которые будут дела новые», и правительственное узаконение иного юридического типа и иного назначения — судебно-административную реформу, определявшую структуру и характер создаваемого на местах земского самоуправления, которое было призвано заменить институт наместников и волостелей и установить формы денежной компенсации бывших кормленщиков. Как показывает законодательная практика XVI в., такие постановления в судебники обычно не вносились. Для их распространения были иные источники права, а именно уставные грамоты — наместничьи, губные и земские, специально регламентирующие права и деятельность местных органов власти. Не случайно не была включена в текст Судебника 1550 г. «подписанная» под него и утвержденная на Стоглавом соборе 1551 г. земская «уставная грамота, которой в казне быти». Царь Иван говорил на этом соборе, обращаясь к митрополиту и иерархам церкви: «Да аз же устроил по всем землям моего государства старосты, и целовальники, и соцкие, и пятидесяцкие по всем градом и пригородком, и по волостем, и по погостам, и у детей боярских, и уставные грамоты под сей Судебник подписал пред вами, и уставные грамоты прочтите и разсудите, чтобы было дело наше по бозе в род и род и по вашему благославлению неподвижно, аще достойно сле дело на святем соборе утвердив и вечное благославление получив и

Воронова, № 670. — Рукописный сборник XVIII в. на 60 листах, содержащий: 1) обращение В. Н. Татищева к читателям (л. 3—8 об.); 2) Русскую Правду (л. 9—13); 3) Судебник 1550 г. (л. 13 об.—44); 4) дополнительные указы (л. 44 об.—60 об.). IV. ЦГАДА, ф. 1209, Дрепнехранилище, отд. 5, рубр. 1, № 5. — Рукописный сборник XVIII в., состоящий из двух тетрадей. 1-я тетрадь: 1) дополнительные указы к Судебнику 1550 г. с примечаниями Татищева и правкой, сделанной его рукой (л. 1—13); 2) письмо Ивана IV казанскому архиепископу Гурию (л. 13—13 об.); 3) царские указы (л. 14—18); 2-я тетрадь: сенатские указы XVIII в. (л. 20—63).

⁶ Обзор сборников см.: Судебники XV—XVI веков. М.; Л., 1952, с. 117—131. — Текст Судебника 1550 г. подготовила Р. Б. Мюллер.

⁷ Называем юридические сборники, составленные еще в самом XVI в., как наиболее показательные: 1) ГБЛ, собр. Ундольского, № 822 (рукоп. конца XVI в.); 2) Архив ЛОИИ СССР, собр. Лихачева, № 228 (рукоп. середины XVI в.); 3) БАН, Архангельское собр., № 525 (рукоп. XVI в.); 4) ГИБ, собр. Погодина, № 1841 (рукоп. конца XVI в.); 5) БАН, Архангельское собр., № 197 (рукоп. конца XVI в.); 6) ГБЛ, собр. Ундольского, № 823 (рукоп. середины XVI в.); 7) там же, № 824 (рукоп. конца XVI в.); 8) ГИБ, № Q.II.118 (рукоп. конца XVI в.).

подписи на Судебнике и на уставной грамоте, которой в казне были». ⁸ Именно указанная уставная грамота, разработанная, видимо, еще в 1550 г. вместе с Судебником, одобренная Боярской думой и представленная царем вместе с ним священному собору, и определяла новый порядок взаимоотношений наместников, волостелей и их людей с местными выборными представителями в лице земских старост и судных целовальников и тем самым как бы конституировала первый этап земской реформы, а главное открывала путь для дальнейших более радикальных преобразований — полной и повсеместной отмены системы кормлений. ⁹

Итак, мы видим, что всякий источниковедческий анализ «царского приговора о кормлениях и службе» 1555—1556 гг. в конечном счете неизбежно упирается в рассмотрение его летописной записи — пока единственного известного нам первоисточника, положенного в основу как татищевской, так и всех последующих его публикаций. С нее мы и начнем.

По мнению А. А. Зимина, в Никоновской летописи приводится не «царский приговор» об отмене кормлений, а лишь «рассказ» «о каких-то мероприятиях законодательного характера», причем рассказ, литературно обработанный и сводный. Зимин отмечает: «... неясно, имеет ли в виду автор „приговора“ губную или земскую реформу (упоминаемые им «старости» могли быть губными и земскими), неясно, выборные или невыборные были органы управления (царь просто «учинил» эти органы) и т. д.». Суммируя свои наблюдения о ходе проведения земской реформы, Зимин приходит к заключению: «„Приговор“ Никоновской летописи являлся не законом об отмене кормлений, а публицистическим обобщением многочисленных практических мероприятий в этой области». Эти «мероприятия» «проводились не одновременно, а растянулись на многие годы (автор называет 1551—1556 гг. — *Н. Н.*) и проводились поездею». ¹⁰

Иная позиция С. О. Шмидта. «Летописная вставка, излагающая содержание „царского приговора о кормлениях и службе 7064 г.“», пишет Шмидт, состоит из трех частей: 1) изложение причин, побудивших царя провести реформу; 2) изложение самой земской реформы (эта часть обозначена особым подзаголовком — «О повелении царском»); 3) уложение о службе (тоже под особым подзаголовком — «О рассмотрении государском»). Но «откровенно публицистический характер» имеет, по мнению Шмидта, лишь первая часть, «в которой излагаются причины, по-

⁸ Стоглав / Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1863, с. 37—39. — Подчеркнуто нами.

⁹ Анализ уставной грамоты, принятой на Стоглавом соборе 1551 г., дается в наших исследованиях (*Носов И. Е.*: 1) Земская «уставная грамота» 1551 г. — В кн.: ВИД, Л., 1968, II, с. 199—213; 2) Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, с. 72—88).

¹⁰ *Зимин А. А.* 1) «Приговор» 1555—1556 гг. и ликвидация системы кормлений в Русском государстве. — История СССР, 1950, № 1, с. 178—182; 2) Реформы Ивана Грозного, с. 422—437.

будившие правительство принять законодательные меры, и — в духе компромиссной политики „Избранной рады“ — формулируются намерения государя и его обязанности». Во второй части «излагается законодательство о местном управлении, правда, в столь нечеткой форме, что можно предполагать, что речь идет не только об отмене кормлений (т. е. земской реформе), но и губной реформе». В третьей части «пересказывается уложение о службе». Летописная вставка, по мнению Шмидта, основана на официальных документах — это «самостоятельно составленное сочинение, в основу которого положены материалы Царского архива», «включили его в состав официальной летописи... при редактировании „Летописца лет новых“». Само же правительство уложение о кормлениях и службе, легшее в основу «царского приговора» 7064 г., по предположению Шмидта, было принято на Земском соборе, специально созванном по этому вопросу в 1555/56 г., и именно его заседания стали сюжетом трех миниатюр Никоновской лицевой летописи (Синодальный список).¹¹ «Собор 7064 г., — как считает Шмидт, — очевидно, происходил прежде июня 1556 г., так как в этом месяце царь со многими боярами находился уже в Серпухове». «Созыв собора 7064 г... был вызван прежде всего обострением междуклассовой и классовой борьбы», о чем свидетельствуют, как сам приговор, так и указания губных и земских грамот середины 1550-х гг. о неповиновении властям, разбоях, бегстве крестьян и иных «нестроениях» на местах.¹²

Мы разделяем мнение Шмидта, что «в основе летописной вставки» о приговоре 7064 г. «лежат подлинные законодательные материалы» и материалы, датируемые не «многими годами», как считал А. А. Зимин, а только по крайней мере двумя — 1555—1556 гг.¹³ И даже более — мы полагаем, что включение в царские указы XVI в. «объяснительного материала», написанного в нарочито декларативном плане, — не только результат литературного творчества летописца, но и вообще характерная черта самих публично-правовых актов этого времени, рассчитанных на широкое распространение среди населения документов, касающихся образования и деятельности в России сословно-представительных учреждений, например земских соборов. Подобная декларативность особенно заметна в преамбулах учредительных губных и земских грамот (в уставных наместничьих грамотах ничего подобного нет), которые имели целью не только законо-

¹¹ Шмидт С. О. 1) К истории земской реформы: (Собор 1555/56 г.). — В кн.: Города феодальной России. М., 1966, с. 125—126; 2) Становление российского самодержавства, с. 196—205. — О вставке приговора 7064 г. о кормлениях и службе в «Летописец лет новых» при его редактировании пишет и Р. Г. Скрынников (Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966, с. 24—25).

¹² Шмидт С. О. Становление российского самодержавства, с. 206—207.

¹³ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 376, ср. с. 377—378, 383.

дательно закрепить новые порядки, но и создать вокруг них определенное общественное мнение. И хотя изложение приговора о кормлениях сопровождается в летописи дополнительными морализирующими сентенциями самого летописца о прерогативах царской власти и соблюдении «благочестивым царем» всегда и во всем «суда и правды», это лишь наслоения на законодательный трафарет, который на протяжении всего летописного рассказа довольно ясно проглядывает из текста. Сказанное подтверждает и прямое указание летописца (автора вставки), которым он завершает пересказ содержания приговора: «подлинные тому розряды у царских чиновачальников, у приказных людей».¹⁴

Наиболее наглядно отмеченные особенности летописного извещения о приговоре о кормлениях и службе 7064 г. выступают при текстологическом анализе его первой части (изложения причин земской реформы), которая носит наиболее ярко выраженный публицистический характер. Соединение изложения законодательного материала с публицистическими объяснениями морализирующего характера, приводимыми самим летописцем, выглядит предположительно так (явные места подобных вставок обозначены нами квадратными скобками): «А по се время бояре, и князи, и дети боярские сидели по кормленем по городом и по волостем для росправы людем и всякого устроения землям [и себе от служб для покою и прокормления; на которых городех и волостех розсправу и устрой делали и от всякого их лиха обрацали на благое, а сами были довольны оброки своими и пошлинами указными, что им государь уложил]. И вниде в слух благочестивому царю, что многие грады и волости пусты учинили наместники и волостели [изо многих лет презрев страх божий и государьские уставы, и много злоказненных дел на них учиниша; не быша им пастыри и учителя, но створишася им гонители и разорители]. Также тех градов и волостей мужичья многие коварства содеяша и убийства их людем; и как едут с кормлений, и мужики многими искы отъпсывают; [и много в том кровопролития и оскверненна душам содеяша, их же не подобает в христианском законе ни слышати]; и многие наместники и волостели и старого своего стяжанна избыша, животов и вотчин. [Царю же благочестивому обычай бяша таков...]». Далее в летописи идет пространное поучение о защите царем всеобщего блага и прерогативах царской власти.¹⁵

Если сличить выделенный летописный текст с приводимой ниже (на с. 66—67) преамбулой уставных земских грамот 1555—1556 гг., то будет видно, что летописец в вольной литературной манере, но строго придерживаясь существа нового законоления, пересказал не дошедшее до нас общее постановление об отмене кормлений, содержащее именно подобное объяснение ее причин.

¹⁴ ПСРЛ, т. XIII, с. 269.

¹⁵ Оболенский список Никоновской летописи. — ПСРЛ, т. XIII, с. 267—269.

Более трудна для понимания вторая часть летописной вставки о приговоре 7064 г., обозначенная в летописи особым заголовком — «О повелении царском». Она состоит из пересказа царских постановлений 1555—1556 гг. о повсеместном введении губного и земского самоуправления, которое должно было заменить систему кормлений. Но изложение этих постановлений в летописи дано настолько нечетко, что трудно определить, в каком случае идет речь о губном, а в каком о земском учреждении.

Сперва летописец сообщает, что царь «повелел» во всех городах и волостях учредить старост, сотских, пятидесятских и десятских и возложить на них — «страшным и грозным запрещением заповедь положи» — ведение разбойных, татевных и иных «всяких дел»: им предписывалось сыскивать и казнить всех «лихих людей». При этом специально оговаривалось, что названные выборные лица должны пресекать всякую вражду среди населения, взятки («мзду неправедную») и «лживое послушество» (ложные свидетельские обвинения). В этом смысле летописная запись царского приговора полностью согласуется с предписаниями уставных губных грамот конца 1540-х—середины 1550-х гг.¹⁶ и царским приговором о разбойных делах от 18 января 1555 г.¹⁷ Но идущий далее текст имеет в виду уже явно не губную, а земскую реформу. В летописи читаем, что на все города и волости, где, надо полагать, учреждены названные выше старосты и сотские, царь «положи оброки по их промыслам и по землям», которые приказал «сбирать» в казну своим дьякам. Речь явно идет о «кормленом окуне», т. е. специальном оброке, собираемом с посадских и волостных людей вместо посошного корма и судебных пошлин, идущих ранее в пользу помещиков и волостелей. Что касается самих бывших кормленщиков — «бояр же и вельмож и всех войпов», то их, как сообщает летописец, царь «устроил кормлением, праведными уроки». Им должно теперь взамен их прежних доходов выдаваться денежное жалование, кому что «достоит по отечеству и по родству»: городовым детям боярским раз в четыре года, а «иным» — раз в три года. Под «иными» детьми боярскими, видимо, следует понимать служилых людей, приписанных не к городу, а непосредственно ко двору, иначе говоря, городской «выбор», т. е. дворовых детей боярских. Более высокая денежная котировка последних обуславливалась тем, что в состав царского двора

¹⁶ ААЭ. СПб., 1836, т. I, № 224; Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собр. и изд. Александр Юшков. М., 1898, ч. 1, № 178; *Зимин А. А.* Губные грамоты XVI в. из Музейного собрания. — Зап. Отд. рукоп. ГБЛ, 1956, вып. 18; Архив ЛОИИ СССР, к. 11, сб. 112, отд. IV, № 22; ГПБ, СПб. дух. акад., А. II/47, № 104; *Носов Н. Е.* Губные наказания Кирилло-Белозерского монастыря 1549—1550 гг. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964, с. 397—404.

¹⁷ ПРП. М., 1956, вып. IV, с. 356—370. — Анализ самого царского приговора 18 января 1555 г. см. в нашей статье «Уставная книга Разбойного приказа 1555—1556 гг.» (ВИД. Л., XIV, 1983, с. 25—31).

(а именно из него комплектовался высший слой военных и гражданских чинов) входили князья, бояре и представители наиболее знатных дворянских родов. Служба по «дворовому списку», как и служба «по выбору» из городов (правда, не вполне ясно, в каком соотношении находился указанный служебный расклад, — в 50-х гг. он, видимо, еще только оформлялся), была в XVI в. привилегией наиболее состоятельного и именитого дворянства.¹⁸

Таково содержание, согласно летописи, «царского приговора» об отмене кормлений, излагаемого в первых двух частях летописной вставки. Содержание последней (третьей) части летописного известия — уложения о службе 7064 г. — будет рассмотрено отдельно (см. ниже, с. 79). Она излагает уже иной, особый указ.

Сопоставим теперь летописное известие 1555/56 г. об отмене кормлений и введении на местах земских учреждений с дошедшими до нас первыми земскими уставными грамотами 1552 г., выданными за три года до этого времени, как мы полагаем, во исполнение указанного выше решения Стоглавого собора 1551 г. Таких грамот пока известно всего две, и обе они выданы в самом начале года (примерно через 10—11 месяцев после окончания сборных заседаний).¹⁹ Мы имеем в виду земские грамоты, выданные двинским волостям — Пинежке Малой, Вые и Суре Поганой — от 25 февраля и Важской земле, посадским, станovým и волостным людям от 21 марта 1552 г.²⁰

В грамотах указывается, что царю били челом представители черных посадских и волостных миров (грамоты называют их имена) и жаловались, что их посады, станы и волости «запустили от прежних наместников (волостелей), и от их тиунов, и

¹⁸ Веселовский С. Б. Первый опыт преобразования центральной власти при Иване Грозном. — *Ист. зап.*, 1945, т. 15, с. 64 и след.; *Носов Н. Е.* Боярская книга 1556 г.: (Из истории происхождения четвертчиков). — В кн.: *Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков.* М.; Л., 1960, с. 213—216 и след.

¹⁹ Что касается земской оброчной грамоты, выданной крестьянам Плесской волости Владимирского уезда 28 февраля 1551 г. (т. е. еще в период работы Стоглавого собора — он начал заседать, видимо, в январе и закончил работу в марте) и предоставляющей право волостным черным крестьянам откупиться «на срок» от владимирского наместника и учредить у себя выборные земские власти — старост и целовальников, которые бы их, крестьян, судили и во всем управляли вместо кормленщиков, то по своему типу она не может быть отнесена к обычному виду учредительных земских грамот. Это еще только подступы к реформе, персональный опыт временной подмены (на годичный срок с дальнейшим переутверждением) института кормленщиков земским самоуправлением в масштабах одной сравнительно небольшой волости (Плесская грамота 18 февраля 1551 г. опубликована. См.: *Дьяконов М. А.* О московских реформах середины XVI в. — *ЖМНП*, 1894, № 4, с. 190—191. — Анализ грамоты см.: *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 84—88; ср. с. 309, 436, 475).

²⁰ *Копанев А. И.* Указ. соч., с. 11—20; ААЭ, т. I, № 234. — Анализ указанных грамот 1552 г. дается в нашей монографии «Становление сословно-представительных учреждений в России» (с. 295—326).

от доводчиков, и от обыскных грамот, и от лихих людей, от татей и от разбойников, и от костарей, а им (NN) наместника (полостелей) и его пошлинных людей впредь прокормити немочно, и от того де у них в станех и в волостях многие деревни и пустоли и крестьяне де у них от того насильства и продаж разошлись по иным городам, а из станов и из волостей хрестьяне разошлись в монастыри безсрочно и без отказа, а иные де посадские люди и становые и волостные кой-куда безвестно разбрелись нарознь, и на тех де на достальных на посадских людех и на становых и на волостных хрестьянех наши (NN) наместники (волостели) и их тиуны корм свой, а праведчики и доводчики побор свой емлют на них сполна, а тем де посадским людем и становым и волостным достальным хрестьяном вперед от наших наместников и от их пошлинных людей, от продаж, всяких податей тянуть сполна немочно» (цитируем Важскую земскую грамоту). Челобитчики просят разрешения «учинить» у себя, на посадах и в волостях, «выборных лучших людей» — земских старост (земских судей) и предоставить им право самим судить и управлять посадскими и волостными людьми «во всех их делах». Эти челобиты, видимо, были направлены в Москву еще в самом начале 1552 г. (а может быть, и в конце 1551 г.), так как на обмен грамотами между столицей и Двинской землей требовалось по тогдашним условиям не менее одного-двух месяцев.

Полученные в ответ царские земские грамоты 1552 г. и предоставляют просимое «право» посадским и волостным людям указанных округов (бывших кормлений). Им разрешается избрать у себя «излюбленных голов» — посадских и волостных земских старост (судей) — из числа «лучших людей» (крестьян и посажан), по десять человек в каждом земском округе (в иных округах число «излюбленных голов» могло быть, видимо, иным), которые и должны их «судить» и «о всяких делах земских управу чинить по Судебнику». «На суде, и в обыске, и во всяких делах» у «излюбленных голов» должны присутствовать посадские и волостные «добрые люди», «колким будет пригоже». Они следят, чтобы от новых земских голов (старост, судей) «никому ни в чем силы, и обиды, и продажи беслепичной не было». Иначе говоря, земские грамоты 1552 г. провозглашали коллегиальность и гласность местного суда и управления. Что касается самих земских старост, то их персональный состав подлежал обязательному утверждению в Москве (о порядке этого утверждения см. ниже).

Но, пожалуй, наиболее важным постановлением земских уставных грамот 1552 г. было введение откупной системы. Земское самоуправление в буквальном смысле слова «покупалось» земскими мирами у царской казны. Земскими грамотами устанавливался и размер денежной компенсации, которую местное население должно было платить за право на «свой» земский суд. Так, за посошный корм и судебные пошлины, идущие ранее

в пользу кормленщиков и их людей (присуд, пятно, праведчиковы и доводчиковы поборы, гостинную явку, питейные деньги и др.), земские люди должны были вносить в казну специальный оброк — «кормленый окуп», устанавливаемый правительством для каждого из ликвидируемых наместничеств и волостей или их частей, ставших теперь земскими самоуправляющимися округами, в отдельности, в зависимости от денежной оценки доходности бывших кормлений. Сбор посошного кормленого окупа возлагался на тех же земских выборных старост, они же ведали его раскладкой по земским тяглым единицам — посадам, станам и волостям. Устанавливался грамотами 1552 г. по принцип раскладки: «двор посадской противу обжи, а обжа противу посадского двора, розметом в наместничь оброк равна». Размер посошного сбора с обжи (10 четв.) равнялся 18 алт. (54 ден.), без учета денег за «явку», взимаемую по 2 ден. с обжи (так по Важской земской грамоте), или с ее учетом — 19 алт. без деньги (56 ден.) (так в Пинежской земской грамоте). Соборный кормленый окуп отвозился земскими старостами в Москву и сдавался дьякам, ведавшим кормлениями. Эти дьяки, по мнению П. А. Садикова, состояли обычно при казне и именовались «кормлеными дьяками».²¹

Судебно-административная компетенция новых земских властей по существу полностью соответствует подобной же компетенции наместников. В грамотах 1552 г. прямо указывается, что новые «излюбленные головы» «ведают и судят» посажан и волжан во всех делах и «во всем управу чинят по Судебнику», кроме, правда, «выдачи» лиц, обвиненных по суду в неуплате долга, «истцем головою» (в долговое рабство). Это разрешалось только с царского доклада. Указанная оговорка имеется в земской грамоте, выданной двинским волостям. В Важской грамоте говорится лишь о рассмотрении земскими старостами дел о заемных кабалах без определения их прав о вынесении взысканий за неуплату долга.²²

В руки земских властей переходило также ведение всеми уголовными делами, включая дела об убийстве («головщине»), сыске и суде над разбойниками, татями, костарями (игроками

²¹ Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950, с. 247 и след.; Судебники XV—XVI веков, с. 234—237.

²² В дальнейшем, согласно приписке от 8 марта 1556 г. на Важской земской грамоте 1552 г., земские старосты по царскому указу получают право отдавать неисправных должников исцам в рабство «до искупа» (до выплаты долга). (Ср.: Указ. о правехе долгов от 5 мая 1555 г. — В кн.: ПРП, вып. 4, с. 360. — Комментарий к указу см.: Носов Н. Е. Уставная книга Разбойного приказа 1555—1556 гг., с. 31—33). Поручалась земским старостам и регистрация самих заемных кабал и расписок о выплате долга, которые они хранили у себя «в земском ларце, за своими печатями». Это свидетельство роста доверия, оказываемого им правительством, поскольку по Судебнику 1550 г. правом регистрации кабальных сдежок и соответственно расчетов по ним обладали в Москве бояре и дьяки, а на местах — наместники с правом «боярского суда» (ст. 36).

и писти), ябедниками, подписчиками (подделывателями документов) и иными «лихими людьми». Понятие «ведомые разбойники и тати», сыск и расправа над которыми, согласно Судебнику 1550 г. (ст. 60),²³ входили в компетенцию губных старост, в земских грамотах 1552 г. не употребляется. Правда, вряд ли на этого следует, что на важских и двинских землях, где институт губных старост так и не утвердился на протяжении всего XVI в. (как, кстати, и во всем Поморье),²⁴ земские власти были отстранены от борьбы с «ведомыми лихими людьми». Термин «лихие люди» употребляется в них, как и в уставных наместничьих грамотах, в широком смысле — для обозначения всех профессиональных уголовных элементов, а иногда и просто бродяг. Это дает основания говорить о сосредоточении в руках земских старост всего наместничьего суда в полном объеме, включая и ведение дел о «ведомых» разбойниках и татях. Во всяком случае вряд ли можно по-иному истолковать следующее указание обих земских грамот 1552 г.: «А которого лихого человека излюбленные головы в подворьях не изведут, а учнут которые лихие люди от которого дела богати и хоронитися, и излюбленным головам тех людей наметывать на тех людей в посадах, кто с кем в одной улице, а в станех и в волостех кто с кем в одной деревни живет, а велети им добывая перед собою ставить, и те излюбленные головы... тех лихих людей по обыском и по судебнику, которые дойдут до казни, казнят, а из животов их исцовы иски платят, а что розбойничьих и татиних животов за исцовыми иски отстанется, и те розбойничьи и татины животы излюбленные их головы... емлют во все посадские люди и в становые и в волостные, в тот наместничь оброк» (Важская грамота 1552 г.). Здесь, как мы видим, те же нормы, которые зафиксированы Судебником и наместничьими уставными грамотами о суде над «лихими людьми», но и тут ничего не говорится о новом сыском процессе, применяемом губными старостами и узаконенном в губных наказах конца 40-х—начала 50-х гг., обязательным элементом которого являлись повальный обыск и пытка. Эту особенность земских уставных грамот 1552 г., выданных важским и двинским землям, следует подчеркнуть.

Но круг обязанностей новых земских властей, согласно земским грамотам 1552 г., не исчерпывался только названными судебными делами. Земские старосты исполняли и чисто полицей-

²³ Судебники XV—XVI веков, с. 248—251.

²⁴ Правительство пыталось, видимо, ввести на Двине институт губных старост в конце 40-х—начале 50-х гг., но они не прижились. Имеем в виду майские подтверждения 1551 г. на жалованных грамотах Антониево-Сийского монастыря от 1545 г. (Сб. ГКЭ. Пг., 1922, т. I, № 109) и Никольского Корельского монастыря от 1542 г. (АН. СПб., 1841, ч. I, № 141), выданных на их двинские вотчины. Подробнее о проведении губной реформы на Двине см.: Носов И. Е. 1) «Новое» направление в актовом источниковедении. — В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1962, вып. X, с. 316—320; 2) Ставление сословно-представительных учреждений в России, с. 339—341.

ские функции на местах. Им поручался надзор за куплей, продажей и обменом лошадей. Вели они и учет (гражданскую регистрацию) браков, совершаемых жителями их земского округа между собой или с иногородцами (если «кто женится или дочерь даст за рубеж»). Обязаны были земские старосты пресекать и все случаи изготовления населением спиртных напитков на продажу и содержание корчем. Изготовление питья разрешалось лишь по праздникам и только с «доклада» земским властям.

Особо выделяют грамоты 1552 г. обязанность земских властей по надзору за перемещением тяглых людей — крестьян и посажан — в целях предотвращения запустения деревень и посадов. Вообще запись «явок» и учет пришлого населения были их прямой обязанностью. Именно им поручалось зазывать в пустые деревни, селища и дворы «старых своих тяглецов из иных волостей», а крестьян, перешедших на монастырские земли, «из-за монастырей вывозити назад по старым их деревням безсрочно и безошлинно, где кто в которой деревне жил прежде сего».

Широкие полномочия новых земских властей, а главное то, что они представляли интересы не местных землевладельцев (вотчинников и помещиков), а посадских и крестьянских мирон и принадлежали к третьему сословию («лучшим» посадским и волостным людям),²⁵ побуждали правительство к введению строжайшего контроля за их деятельностью. Для этого была разработана целая система специальных мер. Выборные списки на земских старост утверждались в Москве, тут же в приказах земские власти приводились к крестному целованию,²⁶ за любые нарушения при исполнении своих земских обязанностей им угрожали самыми суровыми наказаниями, вплоть до смертной казни. «А учтут излюбленные их головы... — указывается в Важской грамоте, — посадским людем или становым или волостным хрестьяном, кому ни буди, силы, и обиды, и продажи безлепичные

²⁵ В наших работах, а также в исследованиях А. И. Копанева, касающихся истории Двинской земли XVI в., приводятся многочисленные активные материалы, которые показывают, что земскими старостами обычно избирались наиболее зажиточные посадские люди и волостные крестьяне, преимущественно местные купцы и промышленники (*Носов Н. Е.* 1) Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России: («Лучшие люди» и «торговые мужики» двинских актов XVI в.). — В кн.: ВИД. Л., 1968, I, с. 227—268; 2) Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 284—326; 3) К вопросу о проведении земской реформы в Двинской земле XVI в. — В кн.: Из истории феодальной России. Л., 1978, с. 69—70; 4) Актовые источники по истории Русского Севера и некоторые вопросы изучения социального расслоения крестьянства XVI в. — В кн.: ВИД. Л., 1982, XIII, с. 38—39, 42; *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978, с. 214—220 и след.; ср. с. 70—110).

²⁶ См. образец крестоцеловальной записи середины XVI в., по которой в Москве приводился к присяге земские судьи (старосты) (ПРП, вып. 4, с. 197—198. — См. в этом издании комментарий А. И. Копанева, с. 220—221).

чьиши и посулы и поминки имати, и тем от меня, царя великого
киши, быты казненным смертною казнию, а животы их и статки
подать имати да отдавать тем людем, кому от них продажи и
убытки чинятся». Предусматривали земские грамоты и непосред-
ственную подотчетность земских властей московским приказам,
по которым сохранялось право решения (с царского доклада)
всех спорных дел — «которых дел излюбленным головам без на-
шего (царского) ведома кончати невозможно», а также всех дел
местного населения с «опричными» («сторонними») людьми.
Имеются в виду исцы и ответчики из других земских округов.

Насколько широко охватила земская реформа территорию
страны в 1552 г., сказать трудно. Видимо, она коснулась лишь
посадов и чернососных волостей преимущественно северных рай-
онов России, население которых, как это было на Ваге и в Двин-
ской земле, особенно активно добивалось права на земское само-
управление.

Очень похоже — эту мысль мы уже высказывали в своих
предшествующих исследованиях, касающихся общего анализа
хода проведения земской реформы, — что введение земских
учреждений в Поморье было как бы генеральной репетицией
к повсеместной отмене кормлений. Подобная реформа была уже
неизбежна (система кормлений явно изжила себя), но именно
ее правительство особенно опасалось, и, надо думать, не слу-
чайно. Весьма настороженно смотрели на нее широкие слои слу-
жильных людей — основная опора московской монархии. Ликви-
дация института наместников и волостелей и передача власти на
местах непосредственно в руки посадских и волостных «лучших
людей» на практике означали не что иное, как признание прав
и влияния в государстве представителей третьего сословия (куп-
цов, промышленников и вообще городских и сельских тяглых
мужиков), а это уже вело к усилению всего земского черного
мира — главного антипода феодализма. Иначе говоря, земская
реформа затрагивала наиболее кровные, общеклассовые ин-
тересы господствующих феодальных сословий. Это и было основ-
ной причиной правительственных колебаний, отсутствия четкой
линии в проведении реформы. Во всяком случае новые земские
порядки просуществовали в Двинской земле (на Ваге, кажется,
положение сложилось по-иному) всего около двух лет, поскольку,
например, в Малой Пинежке уже в 1553 г. (видимо, с лета)
снова появился волостель — И. Н. Дубенский Большой (съехал
с нее 20 июля 1555 г.), а в Холмогорах в качестве двинского
наместника с конца 1554 по сентябрь 1556 г. сидел кн. С. И. Ми-
кулинский-Пушков. О его пребывании на Двине в Двинском ле-
тописце сохранилась весьма любопытная запись, из которой при
сличении ее с актовым материалом можно заключить, что в По-
двинье в 1553—1555 гг. происходила какая-то чехарда с корм-
лениями (наместники то назначались, то съезжали) и только
с осени 1556 г., после «съезда» с Холмогор кн. Микулинского,
на Двине окончательно утвердились «выборные судьи и судили

на Холмогорах в Верхней и Нижней половине». ²⁷ От сентября 1556 г. дошла до нас и земская уставная грамота, выданная Нижней половине Двинской земли. ²⁸

Но вернемся к общей оценке земских уставных грамот 1552 г. Мы полагаем, что дошедшие до нас февральско-мартовские земские грамоты 1552 г. были составлены на основе царской уставной грамоты 1551 г. (нового законодательного образца), принятой Стоглавым собором и «подписанной» под Судебник, путем ее частичной переработки и дополнения, вызванных тем, что теперь речь шла уже не об ограничении власти наместников и волостелей земским представительством в лице судебных присяжных заседателей — целовальников и «судных мужей», а о полной замене кормленщиков выборными земскими «головами» — старостами и судьями. Эта замена коренным образом меняла характер и организацию органов местной власти, но сохранила в силе сами законодательные и судебно-административные нормы, которыми ранее руководствовались наместники (они значатся в Судебнике), а теперь должны были руководствоваться новыми земскими властями: тем и другим вменялось в обязанность судить по Судебнику и уставной грамоте. И именно так делали земские власти на всем протяжении XVI в. Складывалось положение, очень похожее на то, при котором использовались предписания старых жалованных тарханских и несудимых монастырских грамот XVI в., выданных до реформы и до их общей ревизии в мае 1551 г., определявших податные и судебные льготы местных иммунитетов и соответственно взаимоотношения церковных властей с наместниками и волостелями при новых земских властях после отмены кормлений. Но еще определеннее о прямой текстологической зависимости земских уставных грамот 1552 г. от единой уставной грамоты 1551 г. говорит тот факт, что в Мало-Пинежской и Важской грамотах настойчиво подчеркивалось, что земские судьи (старосты) должны «чинить суд и управу... по Судебнику», и в то же время ничего не говорилось о таком же их отношении к уставной грамоте (тоже общему нормативному законодательному акту), как это будет иметь место в позднейших земских грамотах 1555—1556 гг., ссылающихся одновременно и на Судебник, и на уставную грамоту и гласящих, что новые земские власти обязаны «посадских и волостных людей судити и управу чинити по Судебнику и по уставной грамоте, как есмь уложили о суде во всей земле». ²⁹ Объяснить по-

²⁷ ПСРЛ. Л., 1977, т. 33, с. 149—150, 168—169. — См. также текст Двинского летописца, хранящийся в Славянском отделе библиотеки Хельсинкского университета (SI. Ms.-0-8, л. 7—10 об.). Подробный анализ всех сохранившихся известий о проведении в Подвинье земской реформы дается в нашей статье «К вопросу о проведении земской реформы в Двинской земле XVI в.» (с. 66—76).

²⁸ ААЭ, т. I, № 250.

²⁹ Наряду с указанной формулировкой в земских грамотах 1555—1556 гг. находим и такие указания: «учнут выборные судьи судити и уп-

подобное умолчание земскими грамотами 1552 г. (в отличие от земских грамот 1555—1556 гг.) факта существования наряду с Судебником подписанной под него уставной грамоты можно лишь тем, что именно содержание этой грамоты излагалось непосредственно в самом их тексте.

Такое толкование значения и характера земских уставных грамот 1552 г. находит себе еще одно подтверждение историко-юридического характера. Дело в том, что в одном из северных законодательных сборников XVII в., представляющем, видимо, список с подобного же сборника конца XVI в., составленном для нужд местного земского судопроизводства, мы находим Судебник 1550 г., краткую редакцию Судебника 1589 г. и разбитую на 32 статьи, как бы под Судебник 1550 г., Мало-Пинежскую земскую грамоту 1552 г. И даже более, северный юрист предпослал Мало-Пинежской земской грамоте 1552 г. особое построчное оглавление по типу Судебника, отметив при этом, что разбивка ее на статьи («главы») произведена «ради скорого дела досмотру, про то дело наскоре понадобится выборным людям и мир досмотреть».³⁰ Следовательно, это не случайное объединение различных законодательных памятников, а попытка их первичной кодификации для нужд земского судопроизводства. Это могло иметь место лишь в том случае, если правовые нормы Мало-Пинежской земской грамоты 1552 г. носили общеобязательный характер для всей Двинской земли и соседних с ней районов Поморья (Ваги, Устьянских волостей и др.), где земское самоуправление, а следовательно, и земский суд получили во второй половине XVI в. особенно широкое развитие. В этом отношении мы разделяем мнение А. И. Копанева, что Судебник 1589 г. был создан, всего вероятнее, на территории Двинской земли путем объединения текста Судебника 1550 г. с постановлением земских уставных грамот, а также с другими действующими законами и местным обычным правом.³¹ Мы расходимся с А. И. Копаневым лишь в определении и датировке этих земских грамот. А. И. Копанев полагает, что существовала не дошедшая до нас какая-то общая двинская уставная грамота царя Федора 1584—1589 гг. и именно она была одним из основных источников (может быть, даже главным источником новых правовых норм) Судебника 1589 г.³² Мы сомневаемся в издании

рану меж крестьянства чинити прямо, по пашему уложению, по судебнику и по уставной грамоте, каа это им соответствующие поощерии от царя». В обоих случаях цитируем земскую уставную грамоту посадским людям Соли Переславской от 11 августа 1555 г. (*Шумаков С. А.* Губные и земские грамоты Московского государства, с. 110—113).

³⁰ ГИМ, № 1915. — Сборник использован и описан Р. Б. Мюллер при подготовке издания Судебника 1550 г. (список № 20). См.: Судебники XV—XVI веков, с. 123—124.

³¹ *Копанев А. И.* Комментарий к Судебнику 1589 г. — Судебники XV—XVI веков, с. 417—442.

³² Наличие такой двинской уставной грамоты царя Федора А. И. Копанев обосновывает ссылкой на сохранившуюся среди документов

правительством в 1584—1589 гг. подобного нового земского уложения, адресованного всей Двинской земле и включающего широкий круг специальных новых постановлений по гражданскому и уголовному судопроизводству (чего ни в одной из дошедших до нас земских уставных грамот XVI в. нет), и думаем, что если двинская уставная грамота царя Федора и существовала в действительности, то носила территориально более ограниченный характер и лишь воспроизводила двинские уставные грамоты 50-х гг., составленные на основе уставной грамоты 1551 г., подписанной под Судебник. Если бы это было не так, то вряд ли северный кодификатор конца XVI в. включил в свой сборник, подготовленный для нужд действующего при нем земского судопроизводства, в качестве законодательного образца не ее, а посланную на Двину Мало-Пинежскую уставную грамоту 1552 г. Почему он не переписал заменившую ее общую двинскую уставную грамоту царя Федора? Если такая грамота действительно содержала, как полагает А. И. Копанев, ряд новых постановлений и именно ее использовал составитель Судебника 1589 г., то о ней не могли не знать двинские земские судьи конца XVI—начала XVII в.

Теперь настала очередь уже непосредственно обратиться к уставным земским грамотам 1555—1556 гг., слить их с летописным рассказом о «Царском приговоре о кормлениях и службе 7064 г.». Земское самоуправление, согласно данным земских грамот, вводится теперь повсеместно, и делается это во ис-

Куростровской волости Двинского уезда запись от 11 февраля 1589 г. о выборе земского волостного судьи, где сказано: «Лета 7097 по государеве царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии по уставной грамоте сотник Куростровской волости... да пятидесяцкой... да десятицкии... да волостные люди... и все хрестьяне Куростровской волости выбрали есмь и излюбили в Куростровской волости судью Мокея Нечаева сына Пикишева. И ему Мокею нас крестьян судити во всяких делах по государеве уставной грамоте. Выборную писал куростровский церковный дьячек Безсонок Марков лета 7097 февраля 11 дня» (Копанев А. И. 1) Комментарии к Судебнику 1589 г., с. 419—421; 2) Куростровские столбцы XVI в. — В кн.: Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1970, с. 414. (Сев. археограф. сб.; Вып. 1, № 16)). Известие весьма интересное, но из него все же нельзя сделать достаточно определенного вывода о том, что представляла собой указанная уставная грамота царя Федора: каково было ее содержание, была ли это новая грамота или просто переутвержденная (переписанная) на его имя грамота Ивана Грозного 50-х гг., да и была ли она выдана только Нижней половине Двинской земли, как Двинская земская уставная грамота 1556 г. (кстати, прямо предписывающая земским старостам «судити и управу меж крестьян чинити» «по нашей царской уставной грамоте» и «по нашему новому Судебнику», который «дан выборным судьям Степанку Окулову и Июте Поплювину с товарищи за дьячьей приписью» (ААЭ, т. 1, № 250, с. 271, 273)), или всему Подвинью, включая Вагу и Устьянские волости, как считает А. И. Копанев в своих комментариях к Судебнику 1589 г. (с. 422)?

полнение специального правительственного распоряжения — нового «царского приговора» об отмене кормлений.

Первое известие об этом приговоре сохранила нам царская указная грамота от 23 мая 1555 г., адресованная Устьянским волостям Устюжского уезда и предписывающая населению указанных волостей — черным, оброчным, владычным и монастырским крестьянам — произвести у себя выборы земских старост (трех-четырёх человек) и к покрову (1 октября) направить их для приведения к присяге в Москву, где им, как указывалось в грамоте, будут даны «наказы», а также «уставная и оброчная грамота», как им «чинить суд и управу» вместо волостелей и никакой оброк «за волостелины кормы и доходы» собирать с населения и сдавать в казну в Москве.³³

Никаких упоминаний о том, что грамота 23 мая 1555 г. была выдана Устьянским волостям по их ходатайству, как это отмечалось в земских грамотах 1552 г., на этот раз нет. Наоборот, грамота прямо начинается с изложения общего царского предписания о повсеместной отмене кормлений: «Что наше жалованье города и волости в кормленьях за наместники и за волостели, и нам о всем челобитье и доука беспрестанная, что наши наместники и волостели и их пошлинные люди сверх нашего жалованья указу чинить вам продажи и убытки великие; а наместники и волостели нам бьют челом, что им многие люди под суд и на поруки не даются и кормов им не платят, и в том меж нами поклены и тяжбы живут великие. И мы вас жалуячи для тех ваших продаж и убытков, за все кормленья города и волости за наместничьи и за волостелины доходы, и за их пошлинных людей поборы велели вас пооброчить деньгами. А наместником и волостелем вперед у вас не быти, чтоб вам от наших наместников и от волостелей и от их пошлинных людей продаж и убытков не было. А нам бы в том от вас на наместников и от наместников на вас челобитья и доуки не было. И велели во всех городех и в волостех учинити старост излюбленных, кому меж вами управа чинити и волостелины доходы собирать, и к нам на срок привозити. . .»³⁴

Если сравнить приведенный текст с подобной же преамбулой земских грамот 1552 г., то сразу же обращает на себя внимание ряд существенных отличий между ними. Во-первых (и это главное), в царской грамоте 23 мая 1555 г. прямо говорится, что по царскому жалованию кормления «впредь» отменены «по всем городам и волостям» и вместо них «во всех городах и волостях» учреждаются земские старосты. Во-вторых, среди причин, вывавших отмену кормлений, не упоминается о разорениях, чинимых местным жителям «лихими людьми» — разбойниками и

³³ Грамота Ивана IV от 23 мая 1555 г. опубликована: *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909, т. I, с. 287—288.

³⁴ Там же, с. 288.

татами. Этот мотив теперь полностью отсутствует, хотя в 1552 г. именно на него делался акцент. В-третьих, в качестве причин земской реформы называются встречные челобитья самих кормленщиков о неповиновении им местных жителей, которые «под суд и на поруки не даются и кормов им не платят» (в грамотах же 1552 г. этот мотив отсутствует, поскольку сами мирские ходоки, естественно, не могли возводить на себя подобные обвинения). Весьма показательно, наконец, что ничего не говорится в грамоте 23 мая 1555 г. и о жалобах населения, фигурирующих в земских грамотах 1552 г., на уход посадских людей и крестьян в другие посады и волости и «за монастырски» «безсрочно и безотказу», отчего двory и деревни пустеют и тяглым людям приходится с пустых мест платить налоги и пошлыны. Вряд ли положение существенно изменилось в 1555 г. И поэтому неясно, почему в указной грамоте 23 мая 1555 г., как и в самих земских уставных грамотах 1555—1556 гг., о бегстве крестьян на посады, в другие волости, а тем более на монастырские земли даже не упоминается. Не связано ли это с изменением отношения правительства к церковному землевладению? А возможно, прежние ограничения «незаконных» переходов тяглых людей не оправдали себя и нужны были более действенные и в то же время более гибкие меры — расширение местной инициативы. Во всяком случае, вводя земское самоуправление, правительство шло на значительно большие уступки крестьянским и посадским мирам в их требованиях предоставить им право самим решать свои земские дела.

До нас дошла и сама земская уставная грамота, выданная Устьянским волостям 15 октября 1555 г., после того как волостяне выбрали у себя, согласно майскому царскому указу, новые земские власти и они были приведены к присяге в Москве. Грамота еще раз подтверждала, что Устьянские волости переведены на откуп с 1 октября.

Текст новой земской уставной грамоты 1555 г. по сравнению с текстом Мало-Пинежской и Важской грамот 1552 г. весьма сжат и почти не напоминает наместничьи уставные грамоты. Это по существу не уставная грамота как законодательное уложение по местному судопроизводству. В грамоте сперва просто излагаются причины отмены кормлений — почти дословное повторение их изложения в устьянской грамоте 23 мая 1555 г. (новшеством является лишь указание, что наместникам и волостелям посадские и волостные люди не только не подчиняются, но и «их бьют!»), — а потом перечисляются имена утвержденных устьянских земских старост и подтверждается их право и обязанность «посадских и волостных людей судити и управа чинити по Судебнику и по уставной грамоте, как есмь уложили о суде по всей земле». О значении этого указания мы уже говорили. Сейчас лишь подчеркнем следующее: данный факт — еще одно подтверждение того, что в 1555 г., как и в 1552 г., земские власти должны были руководствоваться в своей деятельности Судебни-

ном 1550 г. и подписанной под него уставной грамотой. Из конкретных должностных функций земских властей специально называются только досмотр ими приезжих людей в целях выявления поличного (краденых лошадей или вещей), а также пресечение при ведении суда лживых обвинений, взяточничества, мести и ябедничества. Что касается разбойных дел, то в устьянской уставной грамоте 15 октября 1555 г. они, наоборот, полностью исключаются из ведения земских властей. «А в разбойных делах, — гласит грамота, — городских и волостных людей судити их и управливати губным старостам по их губным уставным грамотам и по наказным спискам». Потом идут предписания, как избирать земских судебных целовальников, собирать оброк за бывшие доходы, присуд и пошлины волостелей (устанавливался размер оброка для бывшего устьянского волостельства) и кому сдавать его в Москве в казну (называется дьяк Мгрим Львов). Заканчивается уставная грамота предупреждением земских властей, что за любые нарушения при исполнении ими «царского и земского дела» они будут подвергнуты самым жестоким наказаниям, вплоть до смертной казни и конфискации имущества. За добросовестное же отношение к своим обязанностям им обещались поощрения — «вперед толко нам и земле управа их будет люба, и мы (царь и великий князь. — Н. Н.) с их дворов и с вытей, что за ними нашии, пошлии и податей всяких имати не велим да и сверх того их пожалуем». Весьма характерное для московской бюрократии XVI в. отношение к земству, по принципу «и кнутом, и пряпником».

Указанный текст устьянской уставной грамоты полностью воспроизводится и в других дошедших до нас учредительных земских грамотах 1555 г., а именно в грамоте от 11 августа, выданной посадским людям Соли Переяславской, и в грамоте от 15 августа посадским переяславским рыбацким стольничьего пути (оба кормления, согласно грамотам, были переведены на оброк с Ильина дня (20 июля) 1555 г.).³⁵ Это не оставляет сомнений о том, что названные грамоты были составлены по единому формуляру (законодательному образцу).

Все это дает основание сделать вывод, что в указанных земских уставных грамотах 1555 г., в их преамбуле (общей учредительной части), наиболее точно изложен «царский приговор» о повсеместной («по всем городам и волостям») отмене кормлений, который помечен в Никоновской летописи 7064 г., а на самом деле был принят в начале 1555 г., до 23 мая, когда была послана Устьянским волостям царская указная грамота во исполнение принятого решения о земской реформе.

Именно такую датировку приговора о кормлениях подтверждают данные Боярской книги 1555/56 г., содержащей сведения

³⁵ Шумаков С. А. Губные и земские грамоты Московского государства. с. 110—113; ААЭ, т. I, № 242.

о передаче на откуп посадов и волостей различных районов страны.³⁶

Согласно данным Боярской книги 1555/56 г., кормления различных уездов были переведены в 1555 г. на откуп в следующие сроки: с благовещенья (25 марта) — волости Кусь и Немда Костромского уезда (эта дата, правда, вызывает известные сомнения);³⁷ с петрова дня (29 июня) — Мещерская и Раменские волости Коломенского уезда;³⁸ с ильина дня (20 июля) — Берендеев стан Дмитровского уезда,³⁹ переяславская «правда» (суд),⁴⁰ переяславский стольничий путь (рыбная слобода),⁴¹ Соль Переяславская,⁴² Серебожская⁴³ и Закубежская⁴⁴ волости Переяславского уезда, Спасский стан Романовского уезда,⁴⁵ Малый Ярославец;⁴⁶ с семена дня (1 сентября) — волости Большая и Малая Соль, Нерехта, Кодогорский стан Костромского уезда,⁴⁷ Дуброва (Владимирского уезда?),⁴⁸ Судская волость и Веретей Вологодского уезда,⁴⁹ Гдов, Велья, Вышгород, Кобылье, Гордище, Остров Псковского уезда,⁵⁰ Холмский уезд и, видимо, другие новгородские пригороды;⁵¹ с покрова (1 октября) — Городня (Бежецкого уезда?),⁵² Тотьма,⁵³ Устьянские волости Устюжского уезда,⁵⁴ Водлоозеро в Обонежье;⁵⁵ с введеньева дня (21 ноября) —

³⁶ Боярская книга 1556 г. — В кн.: Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. СПб.; М., 1861, кн. III, отд. II, с. 25—88. — Далее: БК. Боярская книга была составлена после смотра служилых людей («сударева полка») в Серпухове в июне 1556 г. и представляет собой разрядную запись бояр и дворовых детей боярских, числящихся ранее в «списках на кормление верстанье», иначе говоря бывших кормлевщиков, на предмет получения денежного жалования (окладов). Именно о праве на подобную компенсацию служилых людей и говорится в летописной записи приговора о кормлениях и службе 7064 г. (Носов Н. Е. Боярская книга 1556 г. ..., с. 389—391, 417—419).

³⁷ БК, л. 17; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 457—459.

³⁸ БК, л. 116; Носов Н. Е. Становление..., с. 430—431.

³⁹ БК, л. 87; Носов Н. Е. Становление..., с. 439—441.

⁴⁰ БК, л. 140, 146; Носов Н. Е. Становление..., с. 441—442.

⁴¹ БК, л. 91—92 об.; ААЭ, т. I, № 242; Носов Н. Е. Становление..., с. 442.

⁴² Дата подтверждается земской уставной грамотой от 11 августа 1555 г., выданной посадским людям Соли Переяславской, переведенным на откуп с ильина дня (Шумаков С. А. Губные и земские грамоты Московского государства, с. 110—113).

⁴³ БК, л. 83; Носов Н. Е. Становление..., с. 442.

⁴⁴ БК, л. 150 об.—151; Носов Н. Е. Становление..., с. 443—444.

⁴⁵ БК, л. 54; Носов Н. Е. Становление..., с. 446—447.

⁴⁶ БК, л. 13; Носов Н. Е. Становление..., с. 401—402.

⁴⁷ БК, л. 27, 45, 75, 122, 76; Носов Н. Е. Становление..., с. 450—454.

⁴⁸ БК, л. 153; Носов Н. Е. Становление..., с. 436—437.

⁴⁹ БК, л. 57, 117; Носов Н. Е. Становление..., с. 470—472.

⁵⁰ БК, л. 106, 11, 162, 53, 88; Носов Н. Е. Становление..., с. 503—508.

⁵¹ Носов Н. Е. Становление..., с. 492—496; ср.: БК, л. 89, 12, 84, 46,

48, 10.

⁵² БК, л. 52; Носов Н. Е. Становление..., с. 465—466.

⁵³ БК, л. 37; Носов Н. Е. Становление..., с. 520.

⁵⁴ БК, л. 123 об.; Носов Н. Е. Становление..., с. 512—513.

⁵⁵ Из Боярской книги 1556 г. паясно, Водлоозеро передано на откуп

Угмановская волость Устюжского уезда;⁵⁶ с Николы осеннего (6 декабря) — волости Ухта и Карашолга Устюжского уезда.⁵⁷

Приведенные данные показывают, что земская реформа проводилась правительством в 1555 г. весьма интенсивно и, как правило, по единым срокам, устанавливаемым для кормлений того или иного района, независимо от окончания их держания кормленщиками, согласно выданным им ранее «кормленным грамотам».

Таково содержание и датировка приговора о кормлениях 1555 г. в том виде, как его можно восстановить при сличении летописи о нем Никоновской летописи с дошедшими до нас земскими уставными грамотами 1552—1555 гг. и разрядными списками на «кормленое верстанье». Приговор был принят Боярской думой весной, не позднее мая 1555 г., устанавливал повсеместность замены системы кормлений земским самоуправлением, а за законодательный устав (уложение), определяющий права и обязанности новых земских властей, брал уставные земские грамоты 1552 г., исключив из компетенции земских старост сыск и суд по разбойным и татебным делам, которыми должны были заниматься губные старосты. Подобная увязка и в то же время размежевание земской и губной реформ 1555—1556 гг. и были причиной их смещения в летописном изложении приговора об отмене кормлений.

Изложение в летописи приговора о службе 1555—1556 гг. носит более официальный характер. Это, по всей видимости, отдельный приговор, принятый тоже Боярской думой, но не одновременно с приговором о кормлениях — не весной (до 23 мая), а после 1 сентября 1555 г. А. А. Зимин, изучив уложение, пришел к выводу, что его пока можно датировать лишь 1555/56 г., поскольку, по его мнению, «более точная датировка уложения затруднительна. Можно было бы отнести его к лету 1556 г., когда Иван Грозный организовал смотры дворянской армии и установил „новые оклады“. Но по контексту Боярской книги получается, что уложение уже действовало во время Серпуховского смотра (лето 1556 г.)».⁵⁸ Серпуховский смотр проходил в июне того года. Как отмечается в Никоновской летописи, Иван Грозный велел на смотре «воеводам детей боярских метити по спискам по наряднам, ужели ся пососшли», чтобы «увидеть свое воинство», «хто ему как служит, и государское к ним по тому достоинству и жалованье».⁵⁹

Г. В. Абрамович считает мнение А. А. Зиминого наиболее убедительным. «Косвенным подтверждением позиции А. А. Зи-

с 1 октября или до этого срока (БК, л. 155; *Носов Н. Е.* Становление... с. 498—500).

⁵⁶ БК, л. 43; *Носов Н. Е.* Становление... с. 515.

⁵⁷ БК, л. 156; *Носов Н. Е.* Становление... с. 518—519.

⁵⁸ *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного, с. 426—429, 437—439.

⁵⁹ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, с. 270—271.

мина, — пишет он, — может служить тот факт, что именно с конца 1555 г. начинается особенно интенсивная подача дворянских челобитных с жалобами на невозможность службы с имеющихся у них поместий и просьбами о прирезке земли». Абрамович имеет в виду грамоты по поместным делам, посылавшиеся из Москвы новгородским дьякам и сохранившиеся среди приказных документов Новгородской приказной избы. За период от 15 мая 1555 г. по 29 августа 1556 г. таких грамот оказалось 39, большинство из них касается просьб об увеличении поместных окладов.⁶⁰ Подобные челобитья действительно характеризуют остроту вопроса об обеспечении земель служилых людей, особенно людей низшей категории. Но эти грамоты вряд ли могут свидетельствовать о принятии уложения о службе именно в эти месяцы, тем более что указанная обстановка сложилась отнюдь не в 1555—1556 гг., а значительно раньше — еще в конце 40-х гг.

Во всяком случае общие политические причины, которые толкали правительство на проведение наряду с отменой кормлений военно-земельной реформы, наглядно охарактеризованы самим царем Иваном в его известных соборных вопросах 1550—1551 гг., содержащих по существу общую программу реформ 50-х гг. Мы имеем в виду обнаруженные И. Н. Ждановым и относимые им к материалам Стоглавого собора так называемые дополнительные «царские вопросы», составленные, как мы полагаем, видимо, еще летом или осенью 1550 г., в период подготовки к его созыву, но после утверждения нового Судебника Боярской думой в июне 1550 г.⁶¹ На втором месте, после запроса о местничестве, в них стоит вопрос о необходимости уурядочения распределения вотчин, поместий, кормлений и «всяких приказов»,⁶² начиная от дьяков и кончая городничими (т. е. городскими приказчиками), поскольку теперь после Василия III и Елены Глинской, «до царского возраста» (вопросы составлены, видимо, летом или осенью 1550 г.), с земельным обеспечением служилых людей создалось крайне неблагоприятное положение — одни утроили отцовские поместья, «а ино и голодеи», а учет же не осуществлялся («в меру дано только по книгам, а сметить, ино вдвое, а инде болши»). Царь предлагает, «приговоря», «поверстати по достоинству безгрешно», «у кого лишек», отобрать, а «недостаточного пожаловати». Этой же темы касается царь и в других вопросах, когда предлагает (вопрос восьмой) «устроить» «вотчинные кштити», в которых вести регистрацию вотчинных земель, чтобы было «ведомо», «за кем сколько прибудет и убудет (земли), и по вотчине и службе знать», а также уурядочить систему раздачи поместий (вопрос девятый). Имеется в виду

⁶⁰ Абрамович Г. В. Дворянское войско в царствование Ивана IV. — В кн.: Россия на путях централизации. М., 1982, с. 186—187.

⁶¹ ДАИ. СПб., 1846, т. I, № 52, с. 85—118.

⁶² Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 23—53.

задача помещик строго «в меру», «что в книгах стоит и в жалованной грамоте слово в слово». Царь предлагает принимать самые строгие наказания против тех помещиков, которые свои поместья «запустошат». Их следовало предавать «царской опале», и никаких «тяжб» «ни с кем вперед». Пеленивый же помещик, который «на своей земле», что «не примыслит», «прибудет у него пашни, ино будет перелогу и лишне земли, а все будет вместе» (т. е. в рамках отведенного ему поместья), должен поощряться: «то все божье да ево».⁶³ Приведенные вопросы, как мы видим, наглядно показывают задачи, которые ставило московское правительство 50-х гг., готовясь к проведению земельных и военных реформ. Во всяком случае обращает на себя внимание поразительная созвучность так называемых дополнительных «царских вопросов» 1550 г. и сообщения Никоновской летописи о «царском приговоре о кормлениях и службе 7064 г.».

Но вернемся к вопросу о времени принятия правительством своего Уложения о службе. Отличную от А. А. Зимина позицию занимает И. И. Смирнов, который, как и большинство его предшественников, кроме, пожалуй, М. А. Дьяконова (статья А. А. Зимина 1958 г. он тогда еще не знал), в своей известной монографии 1958 г. утверждает, что приводимая В. И. Татищевым дата — 20 сентября 1555 г. — вполне надежна, поскольку оба постановления — о кормлениях и о службе — были приняты одновременно и, даже более, это части одного и того же закона. «Завершением земельного законодательства 50-х годов (если не хронологически, то по своему значению), — пишет Смирнов, — является „Уложение о службе“ 1555 г. Будучи издано одновременно с приговором об отмене кормлений, точнее говоря, являясь составной частью единого „Приговора царского о кормлениях и службе“, как этот законодательный акт назван в Никоновской летописи (в примечании он подчеркивает, что относит его издание к 20 сентября 1555 г. — *И. И.*), „Уложение о службе“ по своему содержанию и значению выходит за рамки земельного законодательства, представляя собой в такой же степени земельный закон, как и закон об армии. Наконец, постановления „Уложения о службе“ находятся в неразрывной связи с отменой кормлений. Достаточно указать на то, что вводимый приговором об отмене кормлений „кормленный окуп“ должен был являться важнейшим источником средств для уплаты денежного жалования, установленного „Уложением о службе“».⁶⁴ Далее И. И. Смирнов дает оценку социального и политического значения уложения о службе 1555 г., отмечая, что уложение о службе окончательно оформило правовые основы помещичьего землевладения

⁶³ *Жданов И. И.* Материалы для истории Стоглавого собора. — Соч. СПб., 1904, ч. I, с. 175. — Подробный анализ указанных вопросов дается в нашей монографии (Ставление сословно-представительных учреждений в России, с. 18—30 и след.).

⁶⁴ *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 50—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958, с. 451—452.

установленном общего принципа службы: «со ста четвертей доброй угодной земли человек по коне и в доспесе в полном, а в дальней поход о дву конь». Поместье в 100 четвертей становилось теперь основной единицей поместного землевладения, право на которое имел каждый служилый человек. В то же время поместье в 100 четвертей являлось той единицей, «которая лежала в основе организации армии Русского государства, ибо военным эквивалентом такого поместья являлся вооруженный и экипированный воин — служилый человек».⁶⁵

У нас не вызывает возражений принципиальная оценка уложения о службе, даваемая И. И. Смирновым, она достаточно четка и убедительна, но содержащаяся в ней датировка явно не вяжется с приводимыми выше данными о времени принятия «царского приговора об отмене кормлений», и, кроме того, она требует существенных оговорок, поскольку речь идет не только о поместьях, но и о вотчинах. Попробуем поэтому еще раз вернуться к вопросу о татищевской датировке, поскольку именно она принята И. И. Смирновым.

Пересказ в летописи уложения о службе 1555—1556 гг. носит более официальный характер. Как мы увидим ниже, это, по всей видимости, отдельный приговор, принятый не одновременно с приговором о кормлениях — весной 1555 г., а лишь в конце года, т. е. уже в 7064 г., — между 1 сентября и 31 декабря 1555 г.

В. Н. Татищев, как мы уже отмечали, при подготовке издания Судебника 1550 г. пометил приговор о кормлениях и службе 20 сентября 1555 г. К указу о кормлениях эта дата, как уже отмечалось, не подходит (указ был принят до 23 мая с. г.). Но еще В. О. Ключевский отмечал, что «в конце приговора (имеется в виду его летописный текст. — *И. И.*) изложены те самые постановления или правила об уложенной службе, которыми пользовались при составлении Кормленной книги 1555—56 гг. (речь идет о так называемой Боярской книге 1555/56 г. — *И. И.*) для определения служебной повинности и денежного вознаграждения служилых людей и которые в этой книге называются уложением». И далее Ключевский поясняет: «Татищев пытался исправить неисправный летописный текст приговора и вносил в него пояснительные вставки. В его изложении закон помечен 20 сентября. Нам неизвестно, откуда заимствована эта дата, но она оправдывается ходом дела: именно с сентября 1555 г. и по отрывку Кормленной книги заметно учащаются переходы земских обществ на откуп. Можно думать, что 20 сентября приговорено было обнародовать закон, решенный ранее».⁶⁶ Но Ключевский (как позднее и И. И. Смирнов) исходил из мысли, что сразу было принято единое постановление («новый закон») и о корм-

⁶⁵ Там же, с. 452.

⁶⁶ Ключевский В. О. Состав представительства на земских соборах Древней Руси. — Соч. М., 1859, т. 8, с. 467—468.

лениях, и о службе. На самом же деле, видимо, был не один, а два приговора Боярской думы: первый — об отмене кормлений и введении земских учреждений и второй — о нормах службы о земли и денежного жалования (вместо кормлений) служилых людей. Приняты они были в разное время. Ключевскому была неизвестна обнаруженная и опубликованная М. М. Богословским только в 1909 г. Устьянская грамота от 23 мая 1555 г., которая излагала правительственный указ (первый приговор) об отмене кормлений «во всех городех и волостех» и тем самым совершенно ясно говорила об его «обнародовании» уже к этому времени. Но если это так, то не относится ли дата 20 сентября 1555 г. к изданию уложения о службе (второго приговора), дополняющего приговор о кормлениях, но принятого после него и имеющего уже иную цель — решить вопрос о земельном и денежном обеспечении служилых людей и далеко не только бывших кормленщиков, а и вотчинников и помещиков (не случайно изложение второго приговора начинается летописцем со слов: «По сем же государь сея рассмотрел...»)? Может быть, именно поэтому летописная вставка о царском уложении о кормлениях и службе, пересказывающая содержание первого и второго приговоров, датируется летописцем не 7063 г. (1554/55 г.), когда был принят закон об отмене кормлений и шла активная передача городов и волостей на откуп, а 7064 г. (1555/56 г.), когда был издан второй указ (приговор) и завершено новое «земское устройство».

Содержание уложения о службе 1555—1556 гг. в передаче летописца имеет следующий вид. Царь «рассмотрел» вопрос о соотношении ратной службы с землей и установил, что бояре и дети боярские («вельможи и всякие войны»), которые «многими землями завладели», несут службу «не против государева жалования (поместий. — *Н. Н.*) и своих вотчин», и от этого государство «службою оскудеша». Для устранения создавшегося положения, согласно «царскому приговору», было предписано: во-первых, провести проверку обеспечения служилых людей землей («в поместьях землемерие учиниша») и так «устроить», чтобы было в земле «уровнение», а переизлишки земли розданы немущим; во-вторых, установить нормы «уложенной службы» в вотчин и поместьях, причем (и это особо важно) в отношении службы вотчину полностью и окончательно приравнять к поместью. По новому закону каждый служилый человек кроме несения личной военной службы был обязан выставлять с имеющейся у него земли своего ополченца из расчета со 100 четвертей (50 десятин) «добррой угожей земли» одного человека (холопа) в полном вооружении и на коне, а в дальний поход — на двух конях. За исправное несение службы вотчинники и помещики получали денежное жалование — «кормление», а также деньги на выставленных ими ополченцев — «уложенных людей». На недодавших с земли ратников со служилых людей взимались штрафные деньги — «и на тех на самех имати денги за люди». Для служилых же людей, кто дает в службу «лишних уложен-

ных людей», сверх земельной нормы, устанавливалось «от государя большее жалование самим, а людям их перед уложенными полтретия денгами», т. е. платится жалование в двух с половиной размере.⁶⁷

Боярская (Кормленая) книга 1555/56 г. дает наглядный пример реализации указанного постановления на практике. По мнению В. О. Ключевского, Кормленая книга (автор настойчиво пользуется именно этим названием) стала составляться во исполнение уложения о службе еще в конце 1555 г. «Из замечания о Гр. Курчове (л. 79), — отмечает Ключевский, — что на рождество Христово 64-года будет 2 года, как он сидит на Слободском на Вятке, видно, что книгу начали составлять еще до 25 декабря 1555 г. Но она была закончена или пополнялась в следующем году, потому что о благовещенье и пасхе 1556 г. говорится в ней как о пережитых праздниках (л. 72 и 122)».⁶⁸

⁶⁷ Содержание уложения о службе 1555—1556 гг. подробно рассмотрено в статье А. В. Бородина «Уложение о службе 1556 г.» (Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. СПб., 1922, с. 143—153). Но А. В. Бородин не дает источниковедческой характеристики этого приговора, не касается он и вопроса о его датировке и вообще рассматривает его отдельно от приговора о кормлениях. Правда, он сопоставляет уложение о службе со сведениями об организации дворянского ополчения, которые извлекает из Боярской книги 1556 г. А. В. Бородин обозначает ее вслед за В. О. Ключевским как «Кормленую книгу 1556 г.», содержащую перечень вотчинников и помещиков, служащих, как он полагает, по Московскому списку и распределенных на 25 статей «по отечеству и по родоуству» на предмет получения нового кормленого жалования — «праведных уроков» (с. 146, 150, 152; ср. оценку Боярской книги 1556 г. в нашей статье, посвященной ее источниковедческому анализу). А. В. Бородин характеризует порядок несения ратной службы служилыми людьми, справедливо отмечая (в отличие от И. И. Смирнова), что приравливание вотчин и поместий в отношении организации и характера службы сложилось еще до уложения 1555—1556 гг., уже в конце XV в., и только им было окончательно нормировано и узаконено (с. 146). Бородин придерживается также мнения, что даточные люди с земли, которых должны по уложению выставлять со своих вотчин и поместий служилые люди, были «по общему правилу» не холопы, а крестьяне. В подтверждение этого он ссылается на ответственность помещиков за «посошную службу» своих крестьян. По его мнению, сам служилый человек также «шел в счет тех людей, которые требовались по расчету с земли» (с. 147—148). Последнее мнение неверно. В Боярской книге 1555/56 г. речь идет, конечно, только о холопах. В новейшей историографии в связи с изучением вопроса о формировании дворянского войска при Иване Грозном ряд новых наблюдений о соотношении уложения 1555—1556 гг. и Боярской книги 1555/56 г. сделал Г. В. Абрамович. Но и он не дает источниковедческой характеристики самого текста уложения и полностью обходит вопрос о его соотношении с приговором об отмене кормлений и введении земского самоуправления. Автор использует Боярскую книгу 1555/56 г., как и А. В. Бородин (правда, его статьи он не касается), для характеристики комплектования и вооружения дворянского войска. Г. В. Абрамович не согласен с нашим мнением, что в нее были включены преимущественно дворовые дети боярские, имеющие право на кормления и записанные в Разряде в особые «кормленые списки», чья очередь на получение кормлений подошла как раз в 1555—1556 гг. (Абрамович Г. В. Указ. соч., с. 187—189; ср.: Носов П. Е. Боярская книга 1556 г. ..., с. 211, 203—204).

⁶⁸ Ключевский В. О. Указ. соч., с. 467.

Окончательно Боярская книга 1555/56 г. была составлена после Серпуховского смотра служилых людей в июне 1556 г. — именно его данными широко пользуются ее составители, — всего вероятно, в июле—августе (сведений за более поздний период в ней нет). До нас дошел подлинник книги, хотя и не в полном виде — нет начала и конца рукописи.⁶⁹ В сохранившейся части книги написано 180 бояр и детей боярских, распределенных по статьям: ст. 11-я — оклад 50 руб., 12-я — 45, 13-я — 40, 14-я — 35, 15-я — 30, 16-я — 25, 17-я — 20, 18-я — 17, 19-я — 15, 20-я — 12, 21-я — 10, 22-я — 9, 23-я — 8, 24-я — 7, 25-я — 6 руб. Если учесть, что разница между размерами денежных окладов, начиная со ст. 17-й и ниже, составляет 5 руб., а оклад ст. 11-й равен 50 руб., то можно с достаточной уверенностью, как отмечал еще Б. А. Романов, полагать, что оклад отсутствующих статей был следующий: ст. 10-я — 55 руб., 9-я — 60, 8-я — 65, 7-я — 70, 6-я — 75, 5-я — 80, 4-я — 85, 3-я — 90, 2-я — 95, 1-я — 100 руб. Поскольку по Судебнику 1550 г. (ст. 25) штраф за «бесчестье» «большого гостя» был равен 50 руб., вполне естественно отнести всех лиц, которые должны были быть записаны в 1—10-ю статьи Боярской книги 1555/56 г., к верхам феодального класса — к собственно боярству в широком смысле этого слова.⁷⁰

25-я статья Боярской книги, видимо, была последней, поскольку, как показывают десятии второй половины XVI в., денежные оклады ниже 6 руб., а именно в размере 4—5 руб., получали только «новики» из городских детей боярских (дворовые «новики» обычно получали больше — от 6 до 8 руб.), а также небольшая группа детей боярских, живших в городе «с осадной головой для осадного времени». Последние, например, получали по Коломенской десятне 1577 г. по 5 руб.⁷¹

За выставленного с земли холопа в полном вооружении служилые люди получали по Боярской книге по 2 руб., а за выставленного сверх нормы — по 5 руб. Это и была денежная такса за «уложенных людей» по новому приговору.

Видны из Боярской книги 1555/56 г. и сами принципы, которыми руководствовались ее составители при распределении

⁶⁹ Бумага, на которой написана Боярская книга 1555/56 г., по имеющимся на ней водяным знакам относится к середине XVI в. На первом листе рукописи почерком XVII в. сделан заголовок: «7064 году — Книга Боярская, сколько за ними поместья и сколько имеют дать людей на службу в доспехах с сойдаки и с сабли, и что с них бояр надлежит взять тем людям на жалованье денег» (ЦГАДА, Боярские и городские книги (ф. 137), Боярская книга, № 1-а). На рукописи много помет и приписок, сделанных почерком XVI в. и свидетельствующих, что книга была рабочим разрядным документом (Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 394—395, 406).

⁷⁰ Романов Б. А. К вопросу о 15-рублевом максимуме в служилых кабалах XVI в. — Ист. зап., 1955, т. 25, с. 331; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 396.

⁷¹ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 397.

бывших кормленщиков по статьям на предмет получения денежного жалования. Так, И. Н. Хлопов был записан в 19-ю ст. с окладом в 15 руб., в обоснование чего в книге сделана специальная запись: «по докладу бояр Ивана Васильевича Шереметова с таварыщи, по памяти с приписью дьяка Богдана Логинава, велено дати Ивану за кормленье по 15 рублей на год» (БК, л. 56). Вообще из Боярской книги 1555/56 г. совершенно ясно видно, что главным основанием для включения в нее того или иного боярина или сына боярского было наличие у него прав на «кормы и доводы» (этим «правом» пользовались в XVI в., как правило, лишь бывшие «вольные слуги» великого князя, входившие в состав его двора, иначе говоря, дворовые дети боярские). Боярская книга постоянно ссылается на «списки к кормленому верстаию», а также на иные сведения о держании тем или иным лицом кормлений в 1550—1555 гг.: «дано было... кормление»; «держал год»; «наехал»; «был на кормлении»; «съехал» с наместничества, волостельства; кормление «отдано в откуп»; «имал» или «брал» кормы с откупов — бражного, ключа, мыта, меха, писчего, поворотного, правды, того или иного «пути», пятна и т. д. Встречаем и прямые указания, что то или иное лицо стояло в очереди на кормление: например, «наехати было ему на Остров на великое мясное заговейно 64, и с семени дни 64 Остров в откупу», или «дана была ему Соль Большая, а он не наезживал» (БК, л. 20, 27).

Другая цель, которую преследовали составители Боярской книги 1555/56 г., — это проверка размеров земельных владений служилых людей: вотчин и поместий. В результате проверки требовалось выяснить вопрос, соответствует ли поместный оклад служилого человека реально имеющимся у него землям, поскольку только с них он должен был выставлять даточных людей. Данные Боярской книги показывают, что в большинстве случаев служилые люди имели меньше земли, чем значилось за ними по поместным окладам. Разница была иногда весьма значительной — от 100 до 300 и более четей земли.

Таким образом, Боярская книга наглядно показывает, как реализовывалось на практике царское распоряжение об упорядочивании земельного обеспечения служилых людей и установлении соответствия между землей и службой.

Но земская реформа Ивана Грозного, завершающим шагом которой было принятие Боярской думой приговоров о кормлениях и службе 1555 г., имела своим следствием и существенную перестройку всей системы московских приказов. Уже в 60—70-х гг. XVI в. создавались четвертные приказы (чети) как центральные правительственные учреждения, ведающие в судебном и финансово-административном отношении городами и волостями определенных областей, собирающие с них кормлений окуп и распределяющие совместно с Разрядным приказом «государево денежное жалование» среди прикрепленной к той или иной четверти служилых людей, так называемых четвертчиков. Освещая

вопросы, что такое четвертные деньги и кто имел на них право, С. Ф. Платонов прямо указывает, что «возможен... лишь один ответ на эти вопросы: идущие в чети оброчные деньги „за наместнич доход“ и проч. есть не что иное, как „кормленный окуп“, „оброк“, установленный уложением 7064 (1555—1556 г.) года в виде выкупа за уничтожение кормления; право на этот „оброк“ получали те, кто ранее имел право на кормление».⁷²

Таково общее значение «царского приговора о кормлениях и службе» 1555—1556 гг. — крупнейшей реформы XVI в., направленной на перестройку всей системы местного суда и реорганизацию управления на сословно-представительных (земских) началах и создавшей новую государственную систему материального обеспечения как самого служилого сословия (бояр и верхов дворянства), так и основных воинских формирований страны — дворянских ополчений. Отчетливо выступает из царских указов и политическая сущность реформы, ее компромиссный характер: стремление правительства удовлетворить одновременно интересы широких слоев феодалов — князей, бояр, дворян, духовенства — и городской и волостной верхушки, представляющей зарождающуюся русскую буржуазию, — купцов, промышленников и иных «лучших» земских людей — и при всем том максимально подчинить новые земские учреждения возрастающему контролю со стороны царской бюрократии. В этом отношении земская реформа — не только продукт резкого обострения антифеодальной борьбы и русской чернососной деревне и русском городе середины XVI в., но и своеобразный «правовой гибрид», пример органического переплетения, казалось бы, противоположных политических начал — сословного представительства (выбора) и приказного строя (бюрократии) — в государственном устройстве российской монархии XVI в. Именно эта особенность является определяющей во всем государственно-правовом строе России XVI — первой половины XVII в.

З. В. ДМИТРИЕВА

ВЫТНЫЕ КНИГИ КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ XVI в.

Монастырские хозяйственные книги, содержащие результаты внутривотчинных описаний, наряду с писцовыми книгами являются массовым источником по социально-экономической истории России XVI в. К документам вотчинного хозяйственного учета

⁷² Платонов С. Ф. Как возникли чети? : (К вопросу о происхождении московских приказов — четвертей). — Соч. 2-е изд. СПб., 1912, т. I, с. 139. — Об образовании четвертей см. также: Садилов П. А. Указ. соч., с. 219 и след.